

RU

Чувства и чувствительность в средневековых итальянских видениях (на материале поэзии рубежа XIII-XIV вв.)

Кедрова М. А.

Аннотация. Цель исследования – проанализировав три поэмы рубежа XIII-XIV вв., выявить чувства и эмоции героев, обитателей загробного мира, с последующим объяснением функций репрезентации выделенных феноменов в текстах. Материалом для статьи послужили написанные на народном языке поэмы итальянских поэтов-дидактиков Бонвезина да ла Рива («Книга трёх Писаний») и Джакомино да Верона («Адский Вавилон» и «Небесный Иерусалим»). Научная новизна работы заключается в выявлении тропов и мотивов, с помощью которых авторы выбранных поээм репрезентируют то или иное чувство. В результате определено, что чувства, описываемые и называемые выбранными авторами, инсценированы в соответствии с ролевой природой жанра видения. «Чёрное Писание» Бонвезина да ла Рива и «Адский Вавилон» Джакомино да Верона отличаются большей оригинальностью и насыщенностью тропами (эпитеты, метафоры и т. д.), чем образы рая. Описание грехов в творчестве Бонвезина является более умеренным, в то время как Джакомино да Верона обращается к народной смеховой культуре. Было установлено, что целевой аудиторией Бонвезина были монахи, а комическая составляющая «Адского Вавилона» была направлена на широкую публику.

EN

Feelings and sensitivity in medieval Italian visions (based on the poetry of the turn of the 13th-14th centuries)

M. A. Kedrova

Abstract. The purpose of the study is to analyze three poems of the turn of the 13th-14th centuries to identify the feelings and emotions of the heroes, inhabitants of the afterlife, followed by an explanation of the functions of representation of the selected phenomena in the texts. The material for the article was the poems written in the folk language by the Italian didactic poets Bonvezin da la Riva (“The Book of Three Scriptures”) and Giacominno da Verona (“Infernal Babylon” and “Heavenly Jerusalem”). The scientific novelty of the work consists in identifying the tropes and motifs by which the authors of the selected poems represent a particular feeling. As a result, it is determined that the feelings described and called by the selected authors are staged in accordance with the role-playing nature of the genre of vision. Bonvezin da la Riva’s “Black Scripture” and Giacominno da Verona’s “Infernal Babylon” are more original and rich in tropes (epithets, metaphors, etc.) than the images of paradise. The description of sins in Bonvezin’s work is more moderate, while Giacominno da Verona refers to the folk laughing culture. It was found that Bonvezin’s target audience were monks, and the comic component of “Infernal Babylon” was aimed at the general public.

Введение

Поэты Джакомино да Верона и Бонвезин да ла Рива являются ближайшими предшественниками Данте. Дидактический жанр «видения» восходит к «Диалогам» Григория Великого, однако именно в XIII веке он начинает трансформироваться: авторы отказываются от латыни и пишут свои сочинения на народных языках, всё чаще прибегая к поэтической форме; усложняется топография описываемого загробного мира; иначе, чем прежде, выстраивается иерархия праведников и грешников. Актуальность темы обусловлена возросшим в последние годы интересом к мотиву путешествия в загробный мир в связи с 700-летием со дня смерти Данте. Исследователи ссылаются на Бонвезина да ла Рива и Джакомино да Верона, находя общие черты в их сочинениях и «Божественной комедии», однако произведения этих авторов нуждаются в целостном и системном анализе. Исследования, посвящённые непосредственно Бонвезину, отличаются гетерогенностью, учёные до сих пор не решили вопрос хронологии его творчества. Более глубокое изучение «Книги трёх Писаний»,

центрального произведения Бонвезина, могло бы в дальнейшем послужить установлению датировки данной поэмы, что позволило бы по-новому взглянуть как на дидактическую литературу средневекового итальянского севера, так и на диалектику литературной эпохи в целом.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- во-первых, систематизировать сведения о структуре загробного мира в поэмах Бонвезина да ла Рива и Джакомино да Верона, проследив причинно-следственную связь между видами наказания или награды и нравственным состоянием героев произведений;
- во-вторых, проанализировать те литературные средства, с помощью которых авторы передают чувства персонажей (грешников и праведников);
- в-третьих, выявить, какие эмоции преобладают и каковы функции изображения чувств в выбранных произведениях.

Выбор методов исследования коррелирует с поставленными задачами. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет увидеть закономерность между муками ада, райскими блаженствами и прижизненным нравственным выбором человека. Компонентный анализ способствует выбору и анализу тропов. И, наконец, с помощью дискурсивного анализа мы можем сделать вывод о функциях изображённых чувств.

Теоретической базой послужили работы, посвящённые исследованию эмоций. Это междисциплинарное направление в последние годы приобрело популярность как в области истории, антропологии и социологии, так и в литературоведении.

В отличие от психоанализа исследование эмоций не предполагает анализа внутренних процессов, а опирается на внешнее (например, жест, ритуал). Таким образом, в области литературоведения анализируются те художественные средства, которые позволяют как описать какое-либо чувство, так и те, что могут вызвать их у читателя. Кроме того, жесты могут не сопровождаться никаким чувством, будучи скорее данью традиции или социально принятой нормой (Rosenwein, 2006; Knuuttila, 2004). Особого внимания заслуживают исследования, посвящённые анализу отдельных эмоций в диахронии (Schnell, 2005).

При выполнении практической части исследования был использован ряд источников иллюстративного материала:

Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968.

Мандельштам О. Э. Песнь о Роланде // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2.

Фома Аквинский. Сумма теологии. 2005. <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/>.

Visioni dell'aldilà prima di Dante. Milano: Mondadori, 2017.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в спецкурсах и спецсеминарах по литературе и истории итальянского языка, на занятиях лекционного типа по теории литературы.

Обсуждение и результаты

В письме к Кан Гранде делла Скала Данте пишет: «Цель целого (“Божественной комедии”. – прим.) и части (“Рая”. – прим.) – вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья» (1968, с. 389). Эта формулировка максимально точно выражает цель любого средневекового автора, создающего на листе пергамента альтернативную реальность, вдохновлённую Священным Писанием и многочисленными *exempla* (от лат. *exemplum* – дидактический жанр средневековой литературы на латинском языке) о том, что ждёт человека после смерти (*Exemplum e letteratura...*, 1989).

Тема чувств и чувствительности становится актуальной начиная с XII века, когда в Европе появляются переводы и начинают комментироваться труды Аристотеля, Галена и Авиценны (Knuuttila, 2004). «Сумма теологии» Фомы Аквинского тоже не обходит эту тему стороной: подробнейшим образом автор рассуждает о природе счастья и о том, каким именно образом страсти действуют в человеческой душе.

Нельзя сказать, что интерес к чувствам является чем-то абсолютно новаторским на рубеже XIII-XIV веков, ведь и в античности (Rosenwein, 2006), и ранее в Средние века существовала традиция составления и интерпретации списков чувств и эмоций. Однако стоит помнить, что чувства не являются чем-то статичным, они могут отличаться у разных групп людей на разных исторических отрезках. Барбара Розенвейн, американский историк, в своей книге «История эмоций, 1200-1800» говорит о том, что для интерпретации чувств людей далёких от нас эпох необходимо составить «словарь эмоций», который бы состоял не только из слов, но и из изображений, музыки, символов и ритуалов, выражающих эмоциональное содержимое социальных взаимоотношений, касается ли это родственных, дружеских или деловых отношений и т. д.

Средневековые видения могут предложить максимально широкий диапазон чувств и эмоций. В качестве материала для исследования были выбраны три поэтических сочинения – «Книга трёх Писаний» Бонвезина да ла Рива, «Адский Вавилон» и «Небесный Иерусалим» Джакомино да Верона.

Точные годы жизни Джакомино нам неизвестны, но предполагается, что, как и Бонвезин (1240-1315), он жил на рубеже XIII-XIV вв. Кроме эпохи возникновения, произведения этих авторов объединяет тот факт, что они были созданы в Северной Италии и написаны на местном койне. Оба автора были монахами: Бонвезин принадлежал ордену гумилиатов, а Джакомино был францисканцем.

При изучении вышеназванных произведений исследователь сталкивается со следующими проблемами: с одной стороны, традиционно поэмы Бонвезина и Джакомо, умалённые гением Данте, считаются произведениями второго ряда, а с другой – они очень условно и с большими оговорками могут быть признаны «видениями». По определению Б. И. Ярхо (1989, с. 21), жанр видений отличается от проповедей и пр. наличием образа ясновидца, через которого читатель знакомится с устройством загробного мира. Именно по этому принципу А. В. Пильгун (2019; 2022) не включил в свой монументальный труд («Потусторонний мир Средневековья») «Книгу трёх Писаний», «Адский Вавилон» и «Небесный Иерусалим». Однако же за этими тремя произведениями закрепилось название «видения», поскольку речь в них идёт об устройстве загробного мира.

Как уже было сказано, в «Книге трёх Писаний» Бонвезина да ла Рива нет образа ясновидца. Книга состоит из трёх частей: «Чёрного Писания» (ад), «Красного Писания» (о Страстях Христовых) и «Золотого Писания» (рай).

В «Чёрном Писании» автор рассказывает обо всех ужасах жизни на земле: от рождения до последнего вздоха. По стилю это описание близко средневековой гомилетике (проповеди) и аскетическим текстам, особенно в той части, где Бонвезин говорит о женской красоте, которую он считает обманчивой, скрывающей внутреннюю грязь и разложение (Пустовит, 2004). Интересно, что произведение построено на противоположностях: ад – рай, 12 наказаний в аду – 12 райских наслаждений.

Далее в «Чёрном Писании» автор сообщает, что в момент смерти человека окружают демоны. Бонвезин делает акцент на том, что смерть всегда внезапна, а потому нужно успеть покаяться (*cogitatio mortis*). Но демоны уже отделили душу от тела и уносят её в преисподнюю. Падшие, но все же ангелы, с укором спрашивают грешника о том, зачем он грешил при жизни: “*Tu fiv in toa vita ben predicao adesso: perké peccav tu doncha? Percké no fuss confesso?*” (*Visioni dell’aldilà prima di Dante*, 2017, p. 24). / «При жизни ты слышал проповеди, так почему ты грешил? Почему не исповедовался?» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. К.). В «Золотом Писании» умирающего праведника встречают и препровождают в горний мир ангелы.

Описание двенадцати наказаний Бонвезин предваряет следующим замечанием: “*Illo sosten li miseri de tute guis tormenti / e han tut lo contrario de quii delectamenti / dond i al mond usavano con falz adovramenti; / segond le ovre proprie fi dai li pagamenti*” (*Visioni dell’aldilà...*, 2017, p. 28). / «Несчастные терпят всякого рода наказания / и получают противоположное тем сладким прегрешениям, / которые при жизни гнусно творили / по делам своим получают плату». В «Золотом Писании» такого замечания нет, но, как мы увидим, в конце описания большинства райских наслаждений будет сказано, за какие именно дела благочестия праведник оказался в раю.

Содержание «Чёрного» и «Золотого Писания» можно представить в виде Таблицы 1.

Таблица 1. Основные тезисы «Чёрного» и «Золотого Писания»

	Наказания	Грехи	Райские награды	Добродетели и обстоятельства жизни
1.	Тёмное пламя	Плотская любовь, жадность	Небесный город	Покаяние, пост, хранение себя в чистоте
2.	Зловоние	Влечение к греху	Приятные ароматы	Не запятнал себя грехом
3.	Холод	Холодность, равнодушие	Богатство и почести	Терпел унижения, бедность, делился с другими тем, что имел
4.	Черви и прочие гады	Зависть и обман	Избавление от «тюрьмы» земной жизни	Не указано
5.	Страх от вида грешников и демонов	Чревоугодие, азартные игры, вождление	Лицезрение ангелов, Мадонны и Бога	Любил Бога, посещал мессу, принимал бедняков и утешал их
6.	Плач и страшный шум (гром)	При жизни слушал праздные разговоры и мирские сочинения	Ангельское пение	Слушал проповеди, мессы и добрые слова, не тратил время на суетные речи
7.	Побои, укусы и прочие физические мучения	Физическое насилие	Бог служит святым	Терпел лишения, служил Богу
8.	Голод и жажда	Чревоугодие и невоздержанность в употреблении вина	Еда	Укрощал плоть
9.	«Колючая» одежда	Предавал слишком большое значение нарядам, не оказывал помощь бедно одетым	Одежда	Не заботился о нарядах и украшениях, одевал бедных
10.	Физические неудобства и болезни	Излишне заботился о теле, был цветущим и тучным	Сияние и прекрасное тело	Воздерживался от греха и любой нечистоты
11.	Печаль от осознания утраты райских радостей	Осмеивал обездоленных	Избежал ада	Не указано
12.	Полное отчаяние	Не думал о смерти, стыдился служить Богу	Надежда	Творил добро, покаяние

Как мы видим, в плане наказаний Бонвезин называет все виды чувств: осязание, вкус, обоняние, зрение и слух; каждое из наказаний, связанное с этими чувствами, доведено до предела. Большая часть наказаний связана с физической болью и лишь два последних, печаль и отчаяние, нравственные.

Если некоторые наказания, такие как, например, голод и жажда в наказание за чревоугодие, кажутся логичными и закономерными, то некоторые пусть и не являются новаторскими с точки зрения традиции, но во всяком случае представляют культурологический интерес. Так за зависть (*invidia*) и обман (*inganno*) грешника терзают черви и прочие гады. Современник Бонвезина Джотто (1266-1337) изобразил аллегория Зависти в Капелле Скровеньи (Падуя) в виде старухи, из затылка которой вылезает змея и смотрит ей прямо в глаза, т. е. буквально зависть ослепляет: *l'invidia – non vedere* (Баксандалл, 2023; Frugoni, 2008; Pisani, 2021; Pisani..., 2016).

Грешнику Бонвезин даёт следующие эпитеты (в скобках приводится современная норма): *affligio* (= *afflitto*) – печальный, скорбный; *angoxoso* (= *angosciato*) – обеспокоенный, удрученный, опечаленный; *angustioso* (= *angustiato*) – терзаемый, измученный; *blastemao* (= *dannato*) – проклятый, окаянный; *breto* – жалкий, убогий, бедный; *cairo lento* (= *smangiato*) – разъеденный; *cativo*, *cat(t)ivello* – дурной, злой, капризный; *colpevre* (*colpevole*) – виновный; *confundudho* – смущенный, сбитый с толку; *desconsoroso* (= *sconsolato*) – безутешный, печальный; *desformai* (= *sfigurato*) – обезображенный, безобразный; *desperao* (*disperato*) – отчаявшийся; *desubrao* (*straziato*) – терзаемый, мучимый; *desvenio* (*svenuto*) – разорившийся, лишившийся всего; *dolente* – больной, страдающий, удрученный; *glote* – трусливый, малодушный; *renegao* (*rinnegati*) – отступник, отверженный; *gramo* – убогий, жалкий; *lasso* – несчастный; *maledegio* (*maledetto*) – проклятый; *malsan* – больной; *mendigo* (= *mendico*) – нищий; *misero* – несчастный; *nigro* (*nero*) – черный; *passionao* (= *passionato*) – мучимый, терзаемый; *punio* (= *punito*) – наказанный; *recreto* – уставший, измученный; *smanioso* – беспокойный, алчущий; *soz(z)o* – грязный, гадкий; *tapino* – жалкий, убогий; *tormentato* – мучимый; *triste* – грустный, печальный. При ближайшем рассмотрении эти эпитеты можно разделить на две группы по принципу актора действия. Грешник становится грязным, жалким и несчастным, потому что таков духовный закон по Бонвезину: грех пачкает его душу и делает несчастным. С другой стороны, души и тела умерших терзаются в аду демонами, это внешнее воздействие делает их мучимыми, наказанными и т. д.

Теперь же обратим внимание на названия чувств, физических и нравственных, которые испытывают грешники в «Чёрном Писании»: (*mortal*) *angustia* – сильная (смертельная) нужда; *brega* – борьба; “*la mia conscientia me remordeva*” – угрызания совести; *desconforto* (*turbamento*) – смятение, беспокойство; *despegio* o *doia* (= *sofferenza*) – страдание, боль; *dexorevre lazo* (= *avvilente martirio*) – унижительные мучения; *dolor* – боль; *fame* – голод; *grameza* (*rimpianto*) – сожаление, оплакивание; *morbo* – болезнь; *pagura* (= *paura*) – страх; *pena* – наказание, кара; *pesanza* (*patimento*) – страдание; *pianto* – плач; *rab(b)ia* – злость; *no se pò redeme* (*non c'è sollievo*) – отсутствие облегчения или поддержки; *no g'à reposso* (*non c'è riposo*) – отсутствие покоя; *sete* – жажда; *tremore* – дрожь; *tristez(z)a* – печаль; *turbanze* (*tormenti*) – пытки, муки; *vergonza desoradha* (*vergogna che avvillisce*) – угнетающий стыд.

В 11 главе «Чёрного Писания» буквально говорится следующее: грешник «лопается от зависти», видя в раю праведника, бывшего бедняка, над которым он насмеялся; он испытывает страшный гнев, «раздувается как жаба», падает (лишается чувств) от печали. Таким образом, он замыкается на собственных чувствах и больше не может видеть ничего вокруг себя, и, конечно, лицемерие Христа (райская награда из 11 главы «Золотого Писания») не является для него главной наградой, он больше тревожится о том, что потерял райские богатства и радости, потому что при жизни не любил Христа.

Следует отметить, что обморок от избытка чувств отрицается современной медициной, но обильно присутствует в средневековой художественной литературе: падает в обморок Роланд, увидев истекающего кровью Оливье (Мандельштам, 1990), в «Книге трёх Писаний» лишается чувств грешник, наконец, Данте (1968), испытав сострадание к Паоло и Франческе, «упал, как падает мертвец».

В ранних средневековых источниках тема боли или не упоминается вовсе, или ассоциируется с возмездием за проступки или грехи, но ближе к XII-XIII векам ситуация начинает меняться. Одним из важных признаков этих перемен становится «возникновение» Чистилища (Ле Гофф, 2009), церковное учение о котором было сформулировано в 1274 году на II Лионском соборе. Примерно в это же время начинают строить госпитали, где больные могли получить если не квалифицированную медицинскую помощь, то во всяком случае сострадание и утешение. Сам Бонвезин имел отношения к строительству и содержанию подобного госпиталя в Леньяно, о чем было сказано в его эпитафии, и, как мы можем заметить, в «Книге трёх Писаний» Бонвезин часто говорит о помощи бедным, больным и обделенным (Albini, 2002).

Также Бонвезин изображает себя, автора, человеком чувствительным: “*Se pur un can me morde, on k'eo me taie un didho, / on k'eo scapuz un pocò, a tuta fiadha cridho*” (*Visioni dell'aldilà prima di Dante*, 2017, p. 48). / «Если меня кусает собака или я порежу палец, / или спотыкаюсь, я кричу изо всей мочи». Такую же эмоциональность он демонстрирует, говоря о еде. В описании восьмого наказания он говорит о том, что умер бы, если бы ему пришлось два дня обходиться без еды. Также привлекает внимание следующая деталь: Бонвезин говорит о том, что испытывает отвращение, если в еде ему попадает червяк, а потому настолько страшно наказание чревоугодников, вынужденных есть пылающие угли и яды, запивая их расплавленной бронзой (Albini, 2002).

Как мы видим, на первый план выступают страдания нынешние, но ещё больше грешника тревожит то, что им не будет конца. В последних двух главах, где идёт речь о нравственных страданиях, неоднократно подчёркивается отчаяние грешника, злость и охватившее его безумие, когда он осознал, что уже ничего нельзя исправить. Так и у Данте в 9 круге ада уже есть место только для злобы и отчаяния.

Джакомо в «Адском Вавилоне» тоже затрагивает пять основных чувств, а также чувство равновесия, эквивалирицепцию: демоны мучают грешника, подвешивая его вниз головой.

По сравнению с «Книгой трёх Писаний» «Адский Вавилон» не структурирован, но при этом можно сказать, что он более эмоционально насыщен в сцене приготовления грешника Вельзевулом и в диалоге отца и сына.

Характерной чертой демонов у Бонвезина является то, что они злорадствуют, мучают душу, но среди них нельзя отметить каких-то ярких персонажей, они карают, но в то же время складывается впечатление, что они делают это лишь потому, что это входит в их обязанности. У Джакомино же демоны получают удовольствие, обманывая вновь прибывшего грешника: они приветствуют его как короля, но заперев ворота, набрасываются на него и избивают; они смеются, поджаривая грешника, «как поросёнка»; и улюлюкают: «Убей, убей, убей!» (Visioni dell'aldilà prima di Dante, 2017, p. 188).

Как и в аду, в «раю» у праведников задействованы все органы чувств: они видят Бога, Деву Марию и ангелов; ощущают тонкие ароматы цветов; слышат ангельское пение; вкушают изысканные блюда и одеваются в шелковые одежды. В раю всегда умеренная температура, и праведники не испытывают страха: они защищены Богом, у них есть надежда и уверенность. Всё, что их окружает, не только питает их (в широком значении), но и излечивает от болезней и старости.

Несмотря на общий сюжет и многочисленные парафразы последних двух глав книги Откровения, «рай» Джакомино отличается большей яркостью и движением. Если у Бонвезина праведники предстали перед Богом как статисты, готовые принять от Него благодать и различные дары (богатства, одежды, пищу), то у Джакомино небесный двор сперва хлопает в ладоши, преисполнившись счастьем, танцует, а затем объединяется в процессию. Праведники в «Золотом Писании» одеты в белоснежные одежды и источают свет, у Джакомино в «Небесном Иерусалиме» кроме этого головы мучеников украшены розами. В «раю» Бонвезина есть цветы и травы, упоминаются птицы, Джакомино же уточняет: в раю обитают жаворонки и соловьи (ит. "Allodola", «жаворонок», восходит к "lauda", т. е. «хвалебная песнь Богу»); соловей ассоциируется традиционно с любовью и гармонией, но также с античных времён соловей был символом поэтического творчества или личности поэта), а затем рассказывает о том, как Дева Мария дарит служащим ей рыцарям коней.

На фоне тех эпитетов и названий чувств и действий, которые были отмечены в SN, райский список Бонвезина выглядит более лаконичным: al(l)egramento, alegrez(z)a – радость, веселье; bonaventura – удача; confortamento, confortezza, conforto – удобство, комфорт; consolanza – утешение; delectamento (diletto) – наслаждение; dignitae – достоинство; dolcez(z)a – приятность; eternal dolzura (gioia) – вечная радость; gaudio, godhio (godere) – наслаждение; gloria – слава; onore – честь; рах – мир; ric(c)hez(z)a – богатство; sanità – здоровье; solazo (gaudio, piacere) – удовольствие; sozerno (gioia) – радость; stramadhezo (piacere) – приятность; verdura (tripudio) – ликование.

Праведнику даны следующие эпитеты: al(l)egro – радостный; asiao (agiato) – зажиточный; beao (beato) – блаженный; confortao (confortato) – утешенный; degno – достойный; exaltao (esaltato) – прославленный, восторженный; fresco – свежий, бодрый; gavisio (gioioso) – радостный, ликующий; guarentio (protetto) – защищенный; guario (guarito) – выздоровевший; mainente (benestante) – живущий в достатке; plen (pieno) – наполненный; reficiao (ristorato) – восстановившийся; ricco – богатый; san(o) – здоровый; straric (straricco) – очень богатый; vivo – живой.

Глаголов, которые бы описывали чувства и порывы души праведника, совсем немного: как правило, он испытывает радость и, что следует особенно отметить, Бонвезин часто повторяет слово «сердце» (core). Например: "...l so cor dolcisce, lo me' cor alegro" (Visioni dell'aldilà prima di Dante, 2017, p. 146). / «...его сердце смягчается, ликует» (6 награда). В Средние века сердце считалосьместилищем Христа, существует множество легенд и ехемпла, в которых говорится о том, что после убийства или сознательно проведённого вскрытия в сердце святого обнаруживали изваяние Христа (Хартнелл, 2019; Гуревич, 1989) или хотя бы просто символ креста на поверхности жизненно важного органа.

Как особое «чувство» Джакомино называет всеведение праведников: "...e tant'à setille le veçue e le mente ke de celo en terra cognoxo e vé la çente" (Visioni dell'aldilà prima di Dante, 2017, p. 214). / «...зрение и ум его [праведника] таков, что он с неба видит все и понимает». Эта характеристика любопытна, но могла бы быть оспорена Фомой Аквинским (2005), утверждавшим в «Сумме теологии»: «...посредством природного познания... души умерших не знают о том, что происходит на земле» – и далее: «...о делах живущих они могут узнавать не [сами и] сразу, а от других душ, которые присоединяются к ним позже, а также от ангелов, демонов и даже через "откровение Святого Духа"».

Наконец, то, что объединяет все три произведения, – дисторсия времени. И грешники, и праведники не воспринимают время в его земном понимании. Для грешника оно тянется, а для праведника тысяча лет пролетает как мгновение.

Заключение

Благодаря созданию наглядной схемы было обнаружено, что значительная часть адских мук, описываемых Бонвезином, связана с физической болью, и только последние две – с нравственными страданиями.

Основной троп, применяемый Бонвезином, – эпитет. Чувства, испытываемые грешниками и праведниками, разнообразны и затрагивают все виды чувств. Однако эпитетов, описывающих чувства праведника, на порядок меньше.

Говоря об аде, мы можем отметить метафору грязи. Отчаяние и обморок от избытка чувств, о которых пишет Бонвезин, являются топосами в средневековой литературе.

Описание рая, как правило, не отличается оригинальностью, зачастую средневековые авторы опирались на текст книги Откровения. При этом рай у Джакомино отличается большим динамизмом.

В ходе исследования был сделан вывод о том, что наиболее ярко и наглядно авторы передали чувства грешников. Бонвезин стремится к классификации, но если ему удастся создать иерархию наказаний, то их причина (грехи) не всегда логично примыкает, зачастую он повторяет одни и те же грехи для разных наказаний. Тем не менее в списке мы не обнаруживаем серьёзных грехов вроде убийства, воровства, ереси, весьма скупо он касается греха прелюбодеяния. Из чего можно сделать вывод о том, что чтение «Книги трёх Писаний» касалось определённой группы читателей (монахов или монашествующих мирян), для которых самым страшным грехом могло быть чревоугодие или знакомство с «Песнью о Роланде». Джакомино же в духе францисканской проповеди увлекает читателя/слушателя комичным описанием приготовления грешника Вельзевулом.

Оба автора подчёркивают, что их сочинения должны служить напоминанием о конечности человеческой жизни, необходимости молиться и приносить покаяние. Чувства, описываемые Джакомино да Верона и Бонвезино да ла Рива, связаны с ролевой природой жанра видения – наставление в вере.

Дальнейшее исследование системы чувств и эмоций героев произведений Бонвезина да ла Рива и Джакомино да Верона представляется нам актуальным и перспективным.

Источники | References

1. Баксандалл М. Джотто и другие суждения итальянских гуманистов о живописи и открытие композиции / пер. с англ. А. Завьяловой. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
2. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. *Exempla*, XIII в. М.: Искусство, 1989.
3. Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища / пер. с фр. В. Бабинцева, Т. Краевой. Екатеринбург – М.: У-Фактория; АСТ, 2009.
4. Пильгун А. В. Адская пасть в латинских визионерских текстах и средневековых рукописных миниатюрах // Люди и тексты. Исторический альманах. 2022. № 15.
5. Пильгун А. В. Потусторонний мир Средневековья: рай, чистилище, ад и их персонажи в визионерских текстах и миниатюрах из западноевропейских рукописей IX-XV веков. М.: ГАММА-ПРЕСС, 2019.
6. Пустовит А. В. История европейской культуры: учеб. пособие. К.: МАУП, 2004.
7. Хартнелл Д. Голое Средневековье. Жизнь, смерть и искусство в Средние века / пер. с англ. А. Н. Мурашова. М.: АСТ, 2019.
8. Ярхо Б. И. Б. И. Ярхо и исследование жанра видений // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. Вып. 4.
9. Albini G. Bonvesin da la Riva, un intellettuale laico alla ricerca di una dimensione religiosa nella Milano di fine Duecento // Albini G. Carità e governo delle povertà (secoli XII-XV). Milano, 2002.
10. *Exemplum e letteratura tra Medioevo e Rinascimento*. Bologna: Il Mulino, 1989.
11. Frugoni Ch. L'affare migliore di Enrico. Giotto e la cappella degli Scrovegni (Saggi, n. 899). Torino: Einaudi, 2008.
12. Knuuttila S. Emotions in Ancient and Medieval Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 2004.
13. Pisani G. Dante e Giotto: la Commedia degli Scrovegni // Dante fra il settecentocinquantesimo della nascita (2015) e il settecentenario della morte (2021): Atti delle Celebrazioni in Senato, del Forum e del Convegno internazionale di Roma: maggio-ottobre 2015: in 2 vols. / a cura di E. Malato e A. Mazzucchi. Roma: Salerno Editrice, 2016. Vol. II.
14. Rosenwein B. Emotional Communities in Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
15. Schnell R. Ekel und Emotionsforschung: Mediavistische Überlegungen zur Aisthetik des Hasslichen // *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. 2005. Jg. 79. H. 3.

Информация об авторах | Author information

Кедрова Мария Александровна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Mariia Alexandrovna Kedrova¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ m.kedrova@spbu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.03.2024; опубликовано online (published online): 28.06.2024.

Ключевые слова (keywords): жанр загробных видений; репрезентация эмоций в тексте; ролевая природа жанра видения; средневековые итальянские поэты-дидактики; народная смеховая культура; genre of afterlife visions; representation of emotions in the text; role-playing nature of vision genre; medieval Italian didactic poets; folk laughing culture.